

Прощальная песенка волковских актеров

*Прощай, прощай, прощай, прощай,
ярославская погода,
стены белые, нарисованные на синих небесах.
Тянет душу, сердце рвет, заманивает природа,
слезы чистые, прозрачные не высыхают на глазах.*

*Прощай, прощай, прощай, прощай,
лесов могучих позолота!
Колесница неукротимая за облаком гремит.
Ожидают нас, зажмурившись, оловянные болота,
петербургский неразговорчивый таинственный гранит.*

*Прощай, прощай, прощай, прощай,
деревянного сарая пыль подмостков, дух рогожи!
Настало времечко гореть. Видать, времечко настало,
настало времечко, сгорая,
настало времечко, сгорая, ни о чем не сожалеть...
Булат Окуджава, 1989.*

За этой песенкой Булата Окуджавы, названной «Прощальной песенкой волковских актеров», встает сюжет из жизни волковской труппы в Ярославле — сюжет этот коротко именуется «Отъезд в Петербург». Песенка мало известна, но замечательно настроением и атмосферой, здесь тоскует истинная душа художника, поэта нежности и влюбленности в старинный Ярославль, его театр, судьбу актеров.

12 января 1752 года в заметном снегами Ярославле появился внезапный, неожиданный гость — нарочный Правительствующего Сената, посланец самой императрицы — подпоручик Дашков. О Волковском театральном деле известно в столице, в Петербурге.

Ярославль потрясен. Надо представить смятенные магистрата, Берг-коллегии, исключившей к тому времени комедианта Волкова из купеческой гильдии и лишившей купеческого звания. Волкова ждала рекрутчина и солдатчина. «Прощай, ярославская погода!..»

Романтика молодого театрального дела, игрища, затеянные Волковым в Ярославле, отныне соединятся в его судьбе с фантастическими, отчаянными, трагифарсовыми сюжетами, с волшебной и острой драматической интригой, где сказочный Скороход-фельдмаршал (тот самый, исторически реальный императорский фельдъегерь, нарочный — подпоручик Дашков, что объявит в Ярославле указ императрицы о доставке ярославских комедиантов к царскому двору) окажется гонцом-вестником, принесшим на крыльях осуществление желанной мечты... Затем — почти гоголевский сюжет, из «Ночи перед Рождеством», где купеческий сын Волков, подобно богатырю-кузнецу и богомазу Вакуле, совершит стремительный полет-прыжок в имперскую столицу, в Петербург, явившись со товарищи прямо пред очи императрицы.

Вот легендарный текст указа, услышанный ярославскими властями (с сохранением тогдашнего правописания).

УКАЗ

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ИС ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
ГЛАВНОМУ МАГИСТРАТУ

Всепресветлейшая, державнейшая, Великая государыня императрица ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНА самодержица Всероссийская, сего генваря 3 дня всемилостивейше изустно указать соизволила: ярославских купцов Федора Григорьева сына Волкова, он же Полушкин, з братьями Гаврилою и Григорьем, которая в Ярославле содержит театр и играют комедии, и кто им для того еще потребны будут, привезть в Санкт-Петербург. И того ради в Ярославль отправить отсюда нарочного и, что надлежит будет для скорейшего оных людей и принадлежащего им платья сюда привозу, под оное дать ямския подводы и на них ис казны прогонный деньг.

Сей указ объявил: Генерал Прокурор князь Н. Трубецкой
Генваря 4 дня 1752 году.

Нарочного отправляли «в самой скорости», на тройке, тремя срочными почтовыми «для скорей-

шаго всего того сюда привозу». Дашкову была дана подробная инструкция. Во всех документах подчеркивается срочность и скорость доставки ярославских комедиантов. Дело первостепенной важности. «А означенному посылаемому до Ярославля на три почтовые, а от Ярославля на толикое ж число ямских подвод, подорожную дать из ямской канцелярии, а прогонный деньг из штатс-конторы. И о том в штатс-контору и в ямскую, и в Ярославскую провинциальную канцелярию, и для ведома в Московскую губернию, послать указы...»

Высочайший именной указ, написанный 3 января, спущенный в Сенат 4-го, отправленный с Дашковым 5-го, был оглашен в Ярославле 12 января. Дорога от Санкт-Петербурга до Ярославля заняла у подпоручика Дашкова неделю. За сутки одолевал он до сотни верст. Все завертелось, закружилось, стремительно понеслось... Волков был призван в Ярославскую провинциальную канцелярию, где собрались все главные лица города во главе с воеводой Михайлой Бобрищевым-Пушкиным.

«Во исполнение предписанных Е.И.В. указов Федор Волков, он же и Полушкин, в Ярославскую провинциальную канцелярию был призван, и кто к игриню комедий ему потребен, и сколько под своз всего ямских подвод потребно, — спрашиван. Причем он, Волков, показал: ко отправлению де с ним в Санкт-Питербурх, сверх братьей его, Гаврила и Григорья, потребны х комедии Ярославской провинциальной канцелярии канцеляристы Иван Иконников, Яков Попов, пищик Семен Куклин, присланные из Ростовской консистории в Ярославскую провинциальную канцелярию для определения ис церковников Иван Дмитриевской, Алексей Попов, ярославец, посацкой человек Семен Скочков да жительствующия в Ярославле из малороссийцов Демьян Галик, Яков Шумской. А под своз де их платья надлежит ямских девятнадцать подвод, шестеры сани, болковни, 6 рогож, веревку 50 сажен...»

Срок на сборы — 24 часа.

Что думали-гадали комедианты? Что представят государыне императрице комедию и, дай бог, возвратятся в скорейшем времени домой, в Ярославль-батюшко... Волковцы знать не знали и ведасть не ведали, что везут их не на краткий срок.

В «Прощальной песенке волковских актеров» Окуджавы — пронзительная, щемящая грусть. Что-то зовет, и рыдает, и хватает за сердце в этой немудреной песенке. Ярославль, написанный как театральная декорация — «стены белые, нарисованные на синих небесах». Пыль подмостков и дух скоморошьей рогожи. Мифологический деревянный театр... И всеобъемлющая «ярославская погода». Родная природа — «лесов могучих позолота» — не отпускает, «заманивает», «тянет душу, сердце рвет». Илья-Пророк, узнаваемый в «колеснице неукротимой», гремящая за облаками. Неукротимая колесница — знак перемены участи. Гром небесный. Предчувствие погибельных оловянных болот и страшных столичных гранитов.

Отъезд... Двенадцать актеров-ярославцев, девятнадцать подвод, нагруженных театральным скарбом, «шестеры сани-болковни» — теплые кибитки для актеров, в лютую январскую стужу в долгий путь снаряженных... Это был настоящий санный поезд.

Театр уезжал не на временные гастроли, отныне он менял место своего пребывания. С берегов Волги ярославцы уезжали на берега Невы. Скрылись из виду знакомые улочки, малые селения, деревянные лавки.

Летит навстречу дорога, и вновь вспоминается Гоголь: «Летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком — и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании... Не молния ли это, сброшенная с неба?.. Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах?.. Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрыгли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху...»

20 января 1752 года ярославские комедианты въезжали в Петербург.

Маргарита ВАНЯШОВА.